

А. Титков
Московский центр Карнеги

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

При изучении региональных элит трудно избежать вопроса о том, в какой степени характер этих элит, их происхождение и поведение является уникальным и в какой определяются более общими факторами. Здесь возможны разные предположения. Можно считать, что политическое развитие и, значит, изменения элит в разных регионах идут в общем в одном направлении, с небольшим числом отклоняющимся случаев. Если это справедливо, то основная задача сводится к определению этого «магистрального пути», а изучение отдельных регионов - к измерению «отставаний», «забеганий» и «отклонений» от него и определению их причин. Встречается и противоположное предположение, что каждый регион представляет «созвездие», самобытное в своей замкнутости, имеющее самостоятельный путь и особую модель развития. В таком случае на первое место выходит описание отдельных уникальных случаев, а не поиск какой-либо «среднероссийской модели». Между ними - промежуточный вариант, считающий, что при всем разнообразии региональных политических траекторий их можно свести к ограниченному числу типов.

В соответствии с нашим подходом региональные элиты рассматриваются не столько как сильные и самостоятельные вершители судеб подопечной им территории, сколько как своего рода «поплавки» или «флажки», по которым можно измерить с большей или меньшей достоверностью характер и направление политического развития региона. Сами регионы принимаются за «черные ящики», природа и «устройство» которых определяются по поведению элит, прежде всего по их ответам на внешние «раздражения», поступающие от центральной власти, на возможности, которые им предоставляются «сверху».

Взятый для изучения период с конца 80-х годов, с «позднерестроенного» времени, подарил регионам достаточно «вызовов», а изменения в составе региональных элит тоже были довольно впечатляющими. Чтобы не усложнять свою задачу спорами, что на самом деле представляют собой элиты регионов, ограничим предмет исследования их самой очевидной и легче всего поддающейся счету частью - «элитой по должности»: первых лиц исполнительной и представительной властей, в меньшей степени представителей президента и руководителей регионального центра, в советское время - первых секретарей обкомов партии.

Конечное число «импульсов» в сочетании с ограниченным набором вариантов ответного поведения позволяют записать своего рода формулу политического поведения для каждого региона. Но составить по ним типологию политических моделей не так просто, если учитывать множество теоретически допустимых траекторий развития регионов, которое по законам комбинаторики стремительно возрастает с каждым следующим узлом «дерева вариантов». Для начала стоит попробовать более простой путь - сопоставление с уже существующими политическими типологиями российских регионов.

Пространственные особенности политического развития изучены, прежде всего, на основе статистики общероссийских голосований, что понятно - избирательная статистика с ее полнотой, «покрытием» всей территории и доступностью для расчетов представляет собой очень удобный материал для исследования.

Типологией политических предпочтений регионов занимался целый ряд исследователей. Используемая в данном исследовании типология выбрана прежде всего потому, что автор участвовал в ее составлении. Типологии, составленные другими политгеографами, отличаются в деталях классификации, в «окраске» конкретных регионов, представляющих собой переходные случаи, но сходятся в главном¹.

Общим можно считать мнение о большой устойчивости политических предпочтений регионов. Отчетливее других выражены различия между «реформаторским» севером и «консервативным» югом. Объясняются они по-разному в зависимости от политических вкусов: «северяне» поддерживают правительственную политику то ли за счет «подачек от распродажи национальных богатств», то ли потому, что они в основном горожане и поэтому более склонны поддерживать все новое и прогрессивное, то ли еще почему-то. Что касается предполагаемой зависимости между экономическим благополучием или неблагополучием региона и политическими взглядами ее жителей, то подтвердить ее с помощью расчетов никому пока что не удавалось. Доказанной считается связь между политическим лицом региона и соотношением в нем сельского и городского населения - чем больше горожан, тем выше поддержка «реформаторов», и наоборот. Но и этой точки зрения, сложившиеся на уровне региона политические предпочтения все больше превращаются в самостоятельный фактор, о чем свидетельствует постепенное сокращение в результатах голосования внутрорегиональных различий за счет увеличения различий межрегиональных.

Для начала возьмем только самое очевидное разделение регионов на «северный» и «южный» типы, то есть разницу между Россией нечерноземной и черноземной, промышленной и аграрной. Дальше для наглядности, и чтобы не думать о точности и корректности политических ярлыков, будем называть их просто «красной» и «синей» Россиями. Закрашенными именно в такие цвета мы

их привыкли видеть на электронных картах «Меркатора», часто появлявшихся на телеэкране во время президентских выборов 1996 г

Если будет найдено соответствие между двумя этими типами и поведением региональных политических элит, то можно будет утверждать о существовании географических закономерностей, влияющих на ход политического развития регионов. Отсутствие такой связи, наоборот, будет говорить о своеобразии и уникальности политического пути каждого региона, скорее определяемого свободной волей его руководителей.

Сразу стоит оговориться, что республики представляют собой особый случай, к которому наше изложение будет относиться меньше всего. С точки зрения задачи, которую мы перед собой поставили, республики часто жили по отдельному «календарю», общие для других регионов политические конфликты и нововведения на них не сказывались или сказывались совсем по-другому. С точки зрения географии выборов, многие национальные республики выделяются высокой «управляемостью» избирателей, слишком сильной зависимостью результатов голосования от воли республиканского руководства, приводящей к не свойственным для краев и областей резким колебаниям политических предпочтений. Точно так же физическая география, говоря о зональных закономерностях изменений ландшафтов, почв или растительности, оставляет в стороне горные области или речные долины, которые развиваются под действием других факторов.

Первый исторический «срез» относится к времени поздней перестройки, когда партийные власти регионов впервые прошли испытание на прочность относительно свободными выборами. На выборы народных депутаты СССР в марте 1989 г. первые секретари региональных комитетов КПСС пошли практически все. Результат их выступления был очень показательным: в то время, как в южных регионах первые секретари дружно прошли в депутаты, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке они проигрывали один за другим.

Последовавшая за выборами волна «бархатных революций» с отставками первых секретарей после митингов неформалов, наоборот, не имела явных географических закономерностей. «Революции» прошли большей частью в регионах (Мордовия, Волгоградская, Куйбышевская, Тюменская, Архангельская области и др.), в дальнейшем не отличавшимся ни особым демократизмом, ни высокой социально-политической активностью. Причина была скорее в личной слабости и непопулярности первых секретарей, проявившейся на тех же выборах 1989 г.² и во внутриобкомовских интригах.

Выборы региональных советов народных депутатов стали новым испытанием для первых секретарей обкомов - тогда еще «хозяев» своих регионов, получивших от М. Горбачева указание добиться народного доверия, выраженного в избрании их председателями советов. Примерно в двух третях регионов

установка партии была выполнена, но Урал, Север и, конечно, Москва с Ленинградом опять проявили характер: здесь сложилось «двоевластие» обкома и Совета, причем инициатива была явно на стороне советов.

Став председателями советов, первые секретари через считанные месяцы оказались перед необходимостью выбора: сначала российский Съезд народных депутатов провозглашает в Декрете о власти «беспартийность» руководящих постов в органах власти, а в январе 1991 г. появляется постановление Верховного Совета РСФСР, прямо запрещающее председателям советов оставаться одновременно первыми секретарями обкомов. Большинство «совместителей» сделало разумный выбор, оставив пост в теряющей силу партийной вертикали в пользу крепнущей советской. В части регионов партийные руководители спокойно продолжали совмещение должностей, рассчитывая на помощь союзных властей. Географическое распределение таких регионов, где, очевидно, старая партийная власть была особенно прочной, а влияние новой российской власти самым слабым, очень показательно: один массив составляют национальные автономии, в основном северо-кавказские, другую - слитный пояс областей, в основном черноземных, который несколько лет спустя назовут «красным».

События августа 1991 г. подтвердили ту же закономерность: среди регионов, где руководители открыто поддержали действия ГКЧП или уклонились от исполнения указов президента РСФСР, явное большинство составляли области черноземного пояса (Березкин, 1991). Сразу после августовских событий за поддержку антиконституционных действий ГКЧП решениями президента и Верховного Совета были отстранены от должности руководители одиннадцати регионов: в четырех (Краснодарский край, Липецкая, Ростовская и Рязанская области) уволены и председатель Совета, и председатель исполкома, в остальных (Амурская, Владимирская, Самарская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская области) только председатель исполкома. Тяготение большинства из них к «красному поясу» очевидно.

Назначения глав администраций во второй половине 1991 г. нарушили преемственность власти не слишком резко: примерно в половине регионов главой был назначен действующий председатель исполкома, реже Совета. На общем фоне выделяется «консервативный пояс» Европейской России от Пскова и Смоленска до Оренбурга, где, наоборот, почти повсеместно региональные руководители, показавшие свою нелояльность российским властям в предыдущие месяцы, были заменены «новичками», не имевшими опыта управления на таком уровне. Неудивительно, что именно здесь «отторжение» назначенных глав оказалось самым сильным. После того, как Съезд народных депутатов в декабре 1992 г. разрешил региональным советам назначать прямые выборы глав в тех регионах, где Совет выразил недоверие администрации, таким правом в апреле 1993 г. воспользовались восемь регионов: Амурская, Брянская, Липецкая, Ор-

ловская, Пензенская, Смоленская, Челябинская области и Красноярский край - из них только два последних не относятся к «консервативному поясу».

В откликах региональных властей на противостояние президента и Съезда народных депутатов в сентябре-октябре 1993 г (при том, что и советы и администрации тяготели к поддержке «своей» ветви власти) прослеживается та же пространственная закономерность: к северу региональные советы ведут себя более умеренно, не выступая с однозначным осуждением действий президента, к югу, наоборот, администрации проявляют больше колебаний в поддержке президентской линии. Октябрьские (1993 г.) отстранения от должности глав администраций дружно тяготеют к «красному поясу» - Амурская, Белгородская, Брянская, Новосибирская области.

Выборы в Совет Федерации в декабре 1993 г. дали региональным элитам хорошую возможность помериться силами, выяснить, кто сильнее и «главнее». Здесь географические закономерности лучше всего проявляются в результатах выступления советских руководителей. Во-первых, здесь опять дал о себе знать особый характер республик: если в других регионах в депутаты прошел только каждый пятый-шестой председатель Совета, то в республиках - почти каждый второй (как дополнительный штрих - в ближайшие год-два больше половины из них возглавили исполнительную власть, победив на прямых выборах). Если оставить республики в стороне, то в «красной» части страны побед председателей Совета (Алтайский край, Белгородская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Курская, Липецкая, Тамбовская области, Агинский Бурятский автономный округ), получается вдвое больше, чем в «синей», где прошли в депутаты только председатели распущенных Моссовета и Петросвета и руководители трех облсоветов - Камчатского, Ленинградского и Ивановского.

Те же пространственные закономерности демонстрирует список регионов, где Совет не был распущен и продолжал действовать до избрания новых представительных органов: практически все такие случаи, независимо от того, объяснялись они дружными бесконфликтными отношениями между властями или просто слабостью администраций, приходились на более южные регионы (Алтайский край, Калужская, Курганская, Оренбургская области и др.)

Выборы новых законодательных собраний регионов, начавшиеся в декабре 1993 г. и в основном завершённые к осени 1994 г., сопровождалась двумя расхожими комментариями. Первый - победа «партии начальства», закрепление всевластия региональной исполнительной власти, второй - реванш «бывших», расширение и расползание «красного пояса». Такие тенденции вроде бы не очень взаимно согласуются, даже противоречат друг другу, однако обе подтверждались вполне убедительными примерами из жизни.

Случаев, когда во главе нового законодательного органа остается тот же председатель Совета, оказывается без малого два десятка, и практически все

они привязаны к черноземной, «красной» части страны (исключения составляют только Вологодская и Ивановская области). За одним и тем же фактом преемственности руководителей законодательной власти стоят разные сценарии политического развития: в одних случаях старый председатель возвращался в борьбе с администрацией, в других - в союзе с ней. Однако для нас важно, что именно здесь позиции советских руководителей оказались самыми прочными. В «синей» северной части, где в кресло председателя сел, как правило, если не заместитель губернатора, то директор или районный руководитель, исполнительная власть осталась без серьезных противовесов.

Первым составам законодательных собраний предстояло принять уставы регионов, то есть установить долговременные правила и институты для региональных политических режимов. Понятно, насколько содержание уставов определяется характером отношений между ветвями власти и соотношением сил между ними. Неудивительно, что полное преобладание исполнительной власти, где депутаты практически не могут влиять на состав и на действия администрации, было закреплено в основном в уставах «синих» областей, а сильная законодательная власть и наибольшее ограничение исполнительной - в «красных». Интересно, что случаи принятия уставов уже в первый год работы законодательных собраний характерны как для «синих» (Новгородская, Ленинградская, Пермская области), так и для «красных» (Алтайский край, Курганская, Тамбовская области) регионов, причем и в тех, и в других преобладание исполнительной или законодательной власти проявляется ярче, чем в регионах, дольше работавших над своими уставами.

Самые острые случаи несовпадения позиций между законодателями и администрацией по поводу заложенной в Уставе системы организации власти пришлось разбирать Конституционному суду. Все они пришлось на «красные» регионы - Алтайский край, Читинскую, Тамбовскую области. Решения Конституционного суда, исходившие из единства модели государственной власти по всей России, установили пределы, дальше которых полномочия не могут перераспределяться в пользу законодателей: депутаты не могут сами выбирать главу администраций - он должен быть избран населением, не могут отнять у губернатора право подписания законов, право отлагательного вето и так далее. Таким образом, были созданы юридические рамки, ограждающие от слишком большого расхождения региональных политических моделей. В сторону большего единообразия, скорее всего, подталкивает и внутренняя логика политического развития «красных» регионов. Победившие на губернаторских выборах сильные политики из «бывших» покидают кресла руководителей законодательных собраний, оставляя в них своих малоизвестных заместителей, и начинают поневоле задумываться, так ли уж правильно поделены полномочия между ветвями власти, не стоит ли их переделить в пользу исполнительной власти.

Сами губернаторские выборы 1995-1997 гг. вроде бы подтвердили непредсказуемость и неустойчивость поведения регионов. Многочисленные примеры, когда область или сначала голосует за Б. Ельцина, а потом «прокатывает» собственного губернатора - ельцинского назначенца, или, наоборот, на президентских выборах голосует «против власти», за коммуниста Г. Зюганова, а на региональных - «за власть», казалось бы, служат тому хорошим доказательством. К выводу о «парадоксальности политического мышления регионального электората» приходит, например, тверской политолог А. Карасев, который (и не он один) объясняет ее существующим в региональном сознании «раздвоением», при котором общероссийские и региональные проблемы воспринимаются совсем по разному³.

Собственно, повальной непредсказуемости на губернаторских выборах не наблюдалось: на один «неправильный» результат с победой «левого» кандидата в «правом» регионе или наоборот, приходилось два «нормальных», где исход региональных выборов соответствовал предпочтениям общероссийского уровня. Но из серии губернаторских выборов 1995-1997 гг. можно сделать и более полезные выводы.

Для наших целей не очень интересны победы губернаторов, которые лишь свидетельствуют, что глава региона «крепкий» и подходящий для местных политических условий и традиций, но не раскрывают, что это за условия и традиции. Поражения действующих глав четко разбиваются на две группы - поражения, нанесенные старыми «хозяевами», во многих случаях стоящими во главе законодательного органа, или «новичками», никогда прежде не стоявшими у власти в регионе. Первые, очевидно, тяготеют к «красному» типу регионов, где главы-назначенцы и прежде сталкивались с «сопротивлением среды», с сохраняющим влияние старым партхозактивом. Вторые - к «синему», причем часто проигрывали губернаторы (В. Арбузов в Костромской области, А. Беляков в Ленинградской, В. Десятников в Кировской), которые, казалось бы, прочно сидели у власти и не имели серьезных противников ни в «ручном» законодательном собрании, ни где-нибудь еще. Здесь сама собой напрашивается аналогия с поражениями первых секретарей в 1989 г.

Жесткая логика президентских выборов и предыдущих общероссийских голосований (особенно референдумов 1993 г) с их двухполюсным делением на «реформаторов» и «коммунистов» привела к тому, что в «синих» областях на смену проигравшим губернаторам приходили обычно кандидаты под левыми, коммунистическими знаменами. Однако определяющим был все же не идейный выбор, а голосование против власти как таковой. Преобладание «новичков» среди победителей свидетельствует, что прошлой «коммунистической» власти здесь доверяют не больше, чем действующей «реформаторской». Примеры Тверской области, где победил кандидат «демократической альтернативы», или Псковской,

одинаково не поддержавшей молодого главу-«реформатора» и старого исполкомовского руководителя - коммуниста и выбравшей себе губернатора-жириновца, говорят о необязательности левого выбора в нечерноземных областях.

Дополнительные штрихи к пониманию причин поражений глав регионов дает изучение результатов голосований на уровне городов и районов. На общероссийских голосованиях из раза в раз повторяется картина, когда «реформаторские» крупные города больше поддерживают «правых», консервативное село - «левых». На региональных выборах в ряде случаев расклад получался прямо противоположный: считавшийся кандидатом реформаторских сил действующий глава исполнительной власти получал поддержку в сельской местности, но проигрывал в больших городах, голосовавших, как правило, за кандидата левой оппозиции. Все очевидные проявления подобной инверсии приходится на нечерноземные области - Калужскую, Костромскую, Псковскую, Рязанскую, Тверскую. Наоборот, в точном соответствии с правилами политической географии - то есть победа в больших городах и поражение в сельской местности - действующие главы проигрывали в черноземных регионах: Алтайском крае, Амурской, Волгоградской, Тамбовской областях (единственный «северный» пример - Магаданская область, если колымские рабочие поселки можно назвать «селом»). Если принять, что горожанам свойственно голосовать за перемены, за «новое», сельским жителям - за «старое», то подтверждается и предположение о разных мотивах смены власти в «синих» и «красных» регионах.

Представители президента в регионе, в отличие от глав администраций, меньше зависят от местных политических условий и больше - от установок президентской администрации. В назначениях представителей президента выделяются три больших «волнь». Первую «волну» 1991 года составляли люди без особого управленческого опыта, но с твердыми демократическими убеждениями, часто народные депутаты России - настоящие «комиссары», приставленные к «спецам» - главам администраций, чтобы следить за их преданностью президенту. Вторую, отчетливо проявившуюся с начала 1994 г., составляют представители, «удобные» для региональных администраций, чаще всего - один из заместителей главы. И в первой, и во второй волнах принципы подбора представителей были в общем одинаковыми для «реформаторских» и «консервативных» регионов. В отличие от них, третья «волна», особенно заметная с 1997 г. после окончания серии губернаторских выборов, предполагает назначения из элитной группы, конкурирующей с региональной властью - это или бывший губернатор (Алтайский, Ставропольский края, Рязанская область), или человек из его команды (Краснодарский край, Новосибирская, Челябинская области). Понятно, что такая практика относится почти исключительно к «красным» регионам, в то время как в «синих» продолжают назначаться «удобных» представителей. В этом - еще один штрих, характеризующий различия между двумя типами регионов.

Заканчивая наш обзор, трудно не сделать вывод, что связь между политико-географическими характеристиками регионов и поведением региональных руководителей в новейшей политической истории России прослеживается достаточно хорошо. Конечно, это не жесткая причинно-следственная связь. Она не позволяет в точности предсказать все повороты «броуновского движения» политической жизни каждого региона, но дает основания для предположений, насколько в данном регионе возможен тот или иной поворот политического развития, насколько прочным и долговременным он может оказаться.

То, что разговор шел в основном о различиях «север-юг», не значит, что только к ним и сводятся все географические закономерности, влияющие на состав и поведение региональных элит, что наша страна однообразно «красно-синяя», как магнитный брусок. Если, например, посчитать, сколько раз за 90-е годы в каждом из регионов происходила смена руководителя, то окажется, что в восточной (за Уралом) части страны первые лица менялись реже, чем в западной, европейской. Здесь можно, как всегда, привести сразу несколько правдоподобных объяснений, почему так получилось - скажем, из-за того, что управляющая «рука Москвы» не дотягивается слишком далеко на восток, а если и дотягивается, то ведет себя не так уверенно; или потому что местные жители, в значительной части недавние переселенцы, не имеют глубоких корней и потому довольно безразличны к тому, кто руководит их временной «крышей», и так далее - одним словом, выдвигать предположения легче, чем их доказывать.

Немалые различия между моделями политического развития регионов и, соответственно, их элит совсем не означает, что возможно слишком резкое расхождение в путях развития, грозящее России расползанием на части. Сегодняшние законодательные и политические рамки, как и многовековой опыт социальной и культурной общности - все это делает такой прогноз маловероятным.

Принимая существование двух, по крайней мере, региональных политических моделей, можно сделать и некоторые предположения на будущее. Взять, например, частое в последнее время утверждение, что региональные политические режимы дружно движутся в сторону «закостенения» в своей скорлупе, к подавлению всякой оппозиции, вообще всего, что живет и существует не в согласии с региональной властью.

Насколько такой сценарий вероятен для нашей «красно-синей» России? В «синей» части страны все голосования убедительно свидетельствуют, что здесь люди склонны не любить власть, особенно сидящую слишком долго, и голосовать против нее. На общероссийских выборах это выражается в более высокой доле не ходящих на выборы, голосующих «против всех», в пониженной поддержке как правительства, так и коммунистов, и повышенной - политиков вроде В. Жириновского или А. Лебеда. Пока существуют такие настроения, губерна-

торы, даже если вокруг них не видно серьезных политических противников, не должны рассчитывать на спокойное будущее.

В «красной» части страны все предшествующие конфликты с губернаторами-назначенцами можно считать завершенными с возвращением к власти старых «хозяев». Откуда здесь может возникнуть противовес всевластию губернатора? Одна возможность - оппозиция «справа»: или сохраняющая остаточное влияние команда проигравшего губернатора-назначенца или группировка вокруг руководителя регионального центра, чьи хозяйственные и финансовые интересы почти повсеместно входят в противоречие с интересами властей региона. В обоих случаях соперников губернатора с большой вероятностью возьмут себе союзниками федеральные власти, заинтересованные в существовании еще одного центра силы, сковывающего региональных руководителей в их торге с центром. Не менее и даже более вероятен, как представляется, другой вариант появления серьезных соперников у губернатора - когда хозяйственная логика, заставляющая регионального руководителя, пришедшего к власти под знаменами левой оппозиции, сотрудничать с правительством, доказывать ему свою лояльность, вступает в противоречие с логикой политической, работающей на усиление господствующих политических настроений, в данном случае «красных». В результате губернатор, оставаясь тем же «опытным хозяином» старой закалки, волеяневолей отгесняется в правую часть политического спектра региона, а левую нишу занимает новый сильный претендент на место губернатора. Такой сценарий уже проявился в областях, раньше других переживших «реставрацию». Пример ульяновского губернатора Ю. Горячева, бывшего первого секретаря обкома, который все последние годы жил с репутацией строителя «талонного рая» и «заповедника социализма», но на губернаторских выборах 1996 г. должен был бороться с сильным соперником-коммунистом, опираясь на поддержку «правых» НДР и «Яблока» - самый показательный, но не единственный. Годом раньше, например, в таком же положении оказался опытный исполкомовский руководитель Л. Полежаев в Омской области. Весной 1998 г. губернаторы Липецкой и Смоленской областей, четыремя годами раньше пришедшие к власти под лозунгами критики реформ и «возвращения к старому», теперь сами вынуждены бороться с левыми оппозиционными настроениями (одновременно на выборах в похожей на них Пензенской области разворачивается, скорее, сценарий «оппозиции справа» со стороны «хозяйственников» из областного центра).

Литература:

Анализ тенденций развития регионов России в 1991-1996 гг. Политические ориентации населения регионов России. - М. Программа Европейского Союза TACIS, 1997. - 123 с.

Березкин А. Россия: координаты путча. - Российские вести, 1991, № 20, сентябрь.

Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. Колосова В.А., Петрова Н.В., Смирнягина Л.В. - М.: Прогресс, 1990. - 382 с.

Карасев А.В. Анатомия политической власти (региональный аспект). - Тверь: РИК ЦГР, 1997.-71 с.

Козлов В.Н., Орешкин Д.Б. Региональный анализ результатов выборов и типология регионов по политическим предпочтениям избирателей // Выборы Президента Российской Федерации 1996. Электоральная статистика. - М.: Весь мир, 1996. - С. 172-197

Колосов В.А., Высоцкая Н.В. Политическая типология регионов России // Россия на выборах: уроки и перспективы. Политгеографический анализ / Под ред. Колосова В.А. - М.: Центр политических технологий, 1995. - С. 41-54

Петров Н.В. Электоральный ландшафт России и его эволюция // Политический альманах России, 1995 / Под ред. Макфола М. и Петрова Н. - М.: Московский Центр Карнеги, 1995. - С. 28-44.

Примечания:

¹ См.: Анализ тенденций..., 1997; Козлов, Орешкин, 1996; Колосов, Высоцкая, 1995, Петров, 1995 и др.

² См.: Весна-89,1990.

³ Карасев, 1997. - С. 32-34.